

Согласно ст. 1 Федерального Закона «О ветеранах», граждане, награждённые знаком «Житель блокадного Ленинграда» отнесены к категории «Ветераны Великой Отечественной войны».

Мне трудно и не хочется вспоминать то страшное время, хотя, несмотря на малолетний возраст, отдельные наиболее трагичные моменты из жизни в блокадном Ленинграде до сих пор сохранились в памяти отчётливо. Материал, изложенный ниже и посвящённый блокадному времени, базируется в основном на скупых рассказах моей мамы, на публикациях и архивных материалах.

Я родился в Ленинграде, в апреле 1938 года.

В военное и послевоенное время популярной была песня, где звучали слова: «22 июня, ровно в четыре часа, Киев бомбили, нам объявили, что началась война». 22 июня 1941 года моя мама, Антонина Ивановна, в возрасте 23 лет находилась в роддоме, в этот день родился мой брат Геннадий, которому, увы, было не суждено пережить блокаду Ленинграда.

В ночь на 23 июня 1941 года мы услышали первый раз вой сирены, усиленный гудками паровозов, кораблей, заводов и фабрик. Диктор по радио впервые произнёс: «Внимание! Внимание! Воздушная тревога! Воздушная тревога!»

23 июня 1941 года ушёл на фронт мой отец Владимир Николаевич. В семейном альбоме сохранилась его фотография, присланная маме зимой 1941 года, на обороте которой написано: «Это я только что выписался из госпиталя...».

Отец прошёл всю войну, участвовал в Сталинградской битве. В 1971 году отец скоростно скончался.

25 июня на фронт забрали нашу собаку, овчарку Норку, а вскоре объявили, что необходимо сдать в пользу Красной армии радиоприёмники, фотоаппараты, велосипеды, мотоциклы и автомобили.

Самой страшной была зима 1941–1942 года. С 1 октября 1941 года рабочие Ленинграда стали получать по 200 г. хлеба, все остальные (служащие, иждивенцы и дети) — по 125 грамм.

В конце 1941 года в наш дом на Кирочной улице попал снаряд. Взрывной волной меня отбросило в коридор, и я ударился о трубу, стал очень сильно заикаться. Пришли врачи, наложили шов на рану и сказали, что мне нельзя разговаривать, надо только петь и меня заставлять только петь. К весне я стал нормально разговаривать, всё прошло, только над левой бровью остался небольшой шрам как напоминание о том жутком времени.

У меня была привилегия в питании: после того как с помощью ниточки с узелками дневная норма хлеба была аккуратно разделена и разрезана на всех членов семьи, мне доставались крошки, прилипшие к ножу. Однако в конце года возникли возмущения, и было принято решение эти крошки липкого хлеба тоже делить на всех поровну. С 24 января 1942 года, благодаря «Дороге жизни», нормы выдачи хлеба были увеличены. Мой дядя служил ефрейтором на «Дороге жизни». Однажды чудом на 5 минут сумел заехать к нам. Он подарил кусок хлеба и кусочек сыра. Я обхватил его ноги и кричал: «Дядя Женя, возьми меня на фронт, там кормят!» До сих пор ясно ощущаю грубое сукно солдатской шинели и её запах.

7 февраля 1942 года было зарегистрировано самое большое за время блокады суточное число умерших — 4720 человек. Среди умерших в феврале 1942 года были мой дедушка Иван Тимофеевич и мой братик Геннадий.

Вместе с голодом огромную проблему создавал холод. Мы распилили всю деревянную мебель и сожгли её в небольшой железной печурке «буржуйке». Вечером, когда мама возвращалась с работы, мы шли «промышлять» на лестницу, где отрывали деревянные перила, их пилили и жгли. Однако вскоре этот энерге-

тический источник иссяк. Огромную радость переживали жители блокадного Ленинграда в марте 1942 года, когда в город с боями пробился партизанский обоз из 223 подвод с продовольствием, собранным по деревням и колхозам Ленинградской области. Это ликование я помню более отчётливо, нежели праздничный салют 1944 года в честь снятия блокады.

В мае 1942 года умерла моя бабушка Мария Тимофеевна, и мы с мамой остались одни. Каким образом маме удалось не сдать меня в приют для эвакуации из блокадного Ленинграда — не знаю. Возможной причиной было наше предельное истощение. Я болел дифтеритом, не мог ходить, мама ходила на работу (завод «Красная заря») с палочками вместо костылей: отказывали ноги от цинги.

18 января 1943 года в 9 часов 30 минут 123-я стрелковая бригада соединилась с подразделениями 372-й стрелковой дивизии. К 16 часам был полностью освобождён город Шлиссельбург, — блокада была прорвана. Около полуночи ленинградцы услышали по радио эту радостную весть с фронта, которую дикторы повторили трижды. Ликование в городе было повсеместным, радость переполняла сердца, люди плакали. 17 января 1944 года советские войска прорвали кольцо фашистов севернее и южнее Новгорода. 20 января был освобождён Новгород, 21 января — Мга, 24 января — Пушкин и Павловск, 26 января — Гатчина и Тосно, 28 января — Любань, 29 января — Чудово. Разгром немецких войск под Ленинградом и полная ликвидация фашистской блокады — одна из самых героических страниц истории Великой Отечественной войны.

Вечером 27 января в ознаменование полного снятия фашистской блокады в Ленинграде прогремел салют. Это был первый за годы войны салют в нашем городе. Прогремели 24 залпа из 324 орудий. «Весь Ленинград высыпал на площади, улицы, набережные», — писала «Ленинградская правда».

Блокадные дни оставили глубокий шрам не только в душе, но и во внешнем проявлении. И сегодня не могу себе позволить выбросить хлеб или оставить недоеденное блюдо в тарелке. До сих пор, даже у себя дома за обеденным столом, я не могу взять последний кусок хлеба, мне всегда кажется, что его надо с кем-нибудь разделить.

Мне пришлось достаточно много путешествовать по стране: от Прибалтики до Камчатки. Всюду отношение к ленинградцам было особенное как к людям, отличающимся высокой культурой, глубокой порядочностью, интеллигентностью и предельной добротой.